

УДК 929Кабанов:[24+39+891.5]

**ПОЭЗИЯ ДЗЭНА
(к 60-летию Александра Михайловича Кабанова)**

З.А. Джандосова

Аннотация

Статья посвящена памяти известного российского востоковеда, япониста и буддолога Александра Михайловича Кабанова (1952–2011), оставившего после себя богатое творческое наследие в нескольких областях науки и литературы. В статье характеризуется деятельность А.М. Кабанова как талантливого переводчика и педагога, специалиста по дзэн-буддизму, японской литературе XVIII века, синтоизму, этнографии и фольклору айну.

Ключевые слова: востоковедение, японистика, буддология, дзэн-буддизм, японская литература, синтоизм, айну, А.М. Кабанов.

В 2012 г. исполнилось бы шестьдесят лет Александру Михайловичу Кабанову (1952–2011). Знавшие его лично и знакомые с его творчеством люди называют его одним из самых талантливых учёных-востоковедов своего времени и сожалеют о его преждевременном уходе из науки и из жизни.

А.М. Кабанов, мой покойный муж, был по специальности японоведом, японистом, но я намеренно вынесла в заголовок слово *востоковед*, потому что оно шире ограничительного *японист* и точнее отражает широкий круг научных интересов учёного, которого природная любознательность, нетривиальность мышления и эрудиция вели по очень запутанным тропкам лабиринта познания, часто приводя в сферы, весьма далеко лежащие от узко понимаемой *японистики*. Александру Михайловичу были чужды узкоспециальные и вообще узкие подходы: и в силу своей подготовки, и по взглядам, и по призванию он не мог замыкаться в рамках одной, раз и навсегда выбранной темы, в пределах одной эпохи или одной страны. Так было и в науке, и в жизни. Широта взглядов и подходов не означала ни распыления, ни дискретности. Кабанов был мастером

энциклопедически коротких и ёмких статей, научных эссе на конкретные темы, в каждой из которых он был специалистом. А знание конкретики в сочетании с эрудицией и широтой подхода к решению проблем часто приводило к появлению неожиданных находок и результатов.

Он был от природы одарённым, высокообразованным, интеллигентным и ярким, старался жить насыщенно, не выносил любого ограничения свободы (и прежде всего свободы творчества), любил путешествовать и открывать для себя мир с новой стороны.

Эти качества проявились в нём с раннего детства, проведённого в районных городках Псковской области, по которым кочевала семья в связи с характером деятельности отца – партийного работника, которого постоянно «перекидывали» на новые, трудные или запущенные, участки «руководящей работы». Маленького Сашу эти переезды нисколько не смущали: самостоятельный и по большей части предоставленный самому себе, мальчик легко адаптировался к новой среде и быстро находил товарищей – соратников по играм и приключениям. Страсть к приключениям была у него равна лишь страсти к чтению: уже с четырёхлетнего возраста он буквально поглощал книгу за книгой, читая с огромной скоростью и мгновенно запоминая прочитанное. Начав с обычного набора детских книжек, он быстро переключился на литературу о путешествиях и географических открытиях: Колумб, Амундсен, Миклухо-Маклай и Витус Беринг стали его героями. Ему было шесть-семь лет, а он уже буквально охотился за рассказами о великих первооткрывателях.

Родственники и знакомые, зная о его увлечении, дарили ему по праздникам книги о дальних странствиях, но праздники случались нечасто, и поэтому он отправлялся на поиски новых книг сам. Продавцы книжных магазинчиков и «Букинистов» оставляли для него новые приобретения, а деньги на книги (по счастью, стоившие не очень дорого) он добывал самыми разными способами – от заурядного собирания и сдачи пустых бутылок до терпеливого выстаивания (порой несколько часов) в очереди за какую-нибудь «тётю». Книги о путешествиях по-своему открыли ему и мировую географию, и историю человечества, познакомили с огромным разнообразием мира, населённого бесчисленными народами с разными традициями и обычаями, говорящими на разных языках, верящими в разных богов. Так в мальчишке формировался будущий востоковед и культурный антрополог.

В школьные годы к чтению добавилось другое (причём очень полезное) хобби – изучение языков. Отчасти этому способствовали вышеупомянутые переезды, поскольку на каждом новом месте оказывалось, что в новой школе учат новый язык – то английский, то немецкий или французский. И талант полиглота в Саше открылся случайно – когда ему пришлось с ходу одолеть за несколько недель учебники немецкого сразу за несколько классов, и это не составило для него никакого труда. Языки сразу пошли в ход, расширив круг чтения, и к концу школы Саша читал уже на многих европейских языках, любимым из которых стал у него польский.

Справедливости ради надо сказать, что родители с симпатией относились к странностям сына-книгочея, юного эрудита, погружённого в грёзы о дальних странах и странствиях и слишком рано оставившего обычные мальчишеские забавы. Он хорошо учился, что радовало маму, Елизавету Ивановну, учительницу

русского языка и литературы, которой не приходилось краснеть за него перед своими школьными коллегами. А отец Саши, Михаил Григорьевич, возможно, видел в сыне себя – того, кем он был когда-то, и того, кем ему не довелось стать.

М.Г. Кабанов, офицер-артиллерист и кавалер боевых орденов, юношей попал на фронт и прошёл всю войну до Германии, а после войны сразу оказался на той самой «партийной работе». По роду службы (как руководитель районного масштаба, обязанный год за годом выигрывать «битвы за урожай») он окончил потом заочно сельхозинститут, но всю жизнь тяготел к гуманитарному знанию и литературной работе, о чём свидетельствуют обширная домашняя библиотека, дневники и тетрадки, исписанные стихами. И, пожалуй, именно это мешает назвать Сашу Кабанова «псковским самородком»: влияние на него личности отца, этого властного, сильного и при этом занятого реальным делом человека, нельзя недооценивать. А воспоминания о поездках с отцом на охоту и на рыбалку, ставшие своего рода заменой тем научным экспедициям, о которых Саша читал в книжках, остались для него на всю жизнь очень дорогими. В рыбалке и охоте было для него что-то такое щемяще хемингуэевское, а Хемингуэй был в те времена его любимым писателем и даже его *alter ego* (большой портрет бородатого Хемингуэя в свитере, столь популярный у советской интеллигенции шестидесятых, по сей день украшает псковскую квартиру Кабанова).

Саша Кабанов окончил школу в шестнадцать лет. К тому времени он уже твёрдо решил стать востоковедом – вероятно, потому, что Восток казался ему менее изведанным и сулящим больше открытий, чем Запад. Он решил стать востоковедом и дипломатом, поехал в Москву поступать в Институт международных отношений (МГИМО) на японское отделение и провалился, неожиданно получив двойку по английскому языку, которым уже в те годы владел, казалось бы, достаточно хорошо. Так страна потеряла дипломата, но обрела учёного: на следующий год Саша без особых проблем поступил на Восточный факультет ЛГУ. Отныне его судьба была связана с Ленинградом – Санкт-Петербургом.

В те годы Восточный факультет был очень привлекательным местом для талантливых и энергичных людей. С одной стороны, факультет хранил ещё традиции русского востоковедения петербургской школы с её упором на рукописное наследие Востока, а с другой стороны, казался окошком в «дальнее зарубежье», что было существенно в эпоху железного занавеса и холодной войны. Последнее обстоятельство – возможные поездки за рубеж переводчиков с восточных языков преимущественно «по военной линии» – определяло «мужской» характер факультета, находившегося, естественно, под присмотром КГБ. Изучение рукописного наследия (классическое востоковедение) и поездки за рубеж (практическое востоковедение) причудливым образом переплетались в судьбах студентов, создавая особую, неповторимую атмосферу. Классическое востоковедение расширяло виртуальные культурные границы, практическое – реальные политические.

По признанию однокурсников Александра Кабанова, этот начитанный провинциал был на курсе первым среди равных и резко выделялся даже на общем, весьма ярком и примечательном, фоне. И не столько тем, что был полиглотом и эрудитом (такое нередко встречалось на Востфаке), сколько тем, что его интерес к Востоку вообще и к Японии в частности (он учился на отделении истории Японии) был очень глубоким, настоящим и имел отношение не к построению карьеры

и даже не к удовлетворению амбиций, а к совершению открытий. Как романтик-первооткрыватель, он хотел делать открытия, хотел исследовать неизведанное, удовлетворяя природную любознательность. Для настоящего учёного это естественно, но в реальной, практической жизни, увы, встречается не так часто.

В начале семидесятых Восточный факультет был помимо прочего и рассадником вольнодумства, или, как принято говорить, «диссидентства»: знакомство с мировой литературой и историей не могло не вести студентов к размышлениям и разговорам на современные политические темы. Вольнодумец Кабанов, никогда не любивший, по его выражению, «стоять в строю» (по этой причине в своё время он избегал и пионерских лагерей, и комсомольской работы), оказался в этом смысле в своей стихии, среди единомышленников, достаточно критически относившихся к окружающей действительности, и это едва не стоило ему исключения из университета. В эти же годы Александр Кабанов активно писал весьма свободолобивые, резкие стихи, которые были опубликованы лишь совсем недавно в сборниках поэзии востоковедов.

К счастью, наставники заступились за талантливого студента, и в 1974 г. А.М. Кабанов стал дипломированным востоковедом-историком, знающим помимо японского ещё и китайский язык. За пределами «практического востоковедения» в те времена работу получить было непросто, в академических структурах мест не хватало, и поэтому несколько лет были потрачены на работу не по специальности. Лишь в конце семидесятых годов Кабанов был принят в штат сотрудников библиотеки Ленинградского отделения академического Института востоковедения и смог всерьёз заняться наукой.

Основная сфера научных интересов А.М. Кабанова в то время – чань-буддизм и его японский вариант *дзэн*, история проникновения дзэна в Японию, влияние китайской культуры и литературы на Японию. Молодой учёный сосредоточился на изучении дзэна и особенно японской дзэнской поэзии на камбуне, то есть жанра специфического и малоизвестного современному японскому и западному читателю, знакомому больше с традиционной японской поэзией. Камбун (литературный китайский язык) играл в средневековой Японии роль, сопоставимую с ролью латыни в средневековой Европе (и в современной Японии, и на Западе этим языком владеют лишь немногочисленные узкие специалисты, прошедшие особую подготовку).

Японская школа дзэн привлекла внимание А.М. Кабанова, склонного к литературным занятиям и, в частности, к художественному переводу ещё со студенческой скамьи, тем, что в дзэн-буддизме огромное внимание уделялось творчеству и поэзии, а обитатели дзэнских монастырей оставили после себя богатое, исчисляемое тысячами текстов поэтическое наследие на камбуне, получившее название *годзан бунгаку* («поэзия пяти монастырей»). Изучению этой поэзии и того культурного слоя, который её породил, А.М. Кабанов посвятил несколько лет, в течение которых появилось много его статей и сообщений на конференциях, например: «Первые гатхи о сатори в дзэнской поэзии в Японии» [1], «Три японских поэта-странника» [2], «Эйсай – родоначальник дзэн в Японии» [3], «Дзэн и традиционная китайская культура в средневековой Японии» [4], «Религиозные и светские мотивы в поэзии “годзан бунгаку”» [5].

Глубокое погружение А.М. Кабанова в *годзан бунгаку*, создание им корпуса комментированных переводов дзэнской поэзии с камбуна, обнаружение новых дискурсов, через которые происходило влияние китайской культуры на японскую, открытие, по сути, новых имён в культурном и литературном пантеоне средневековой Японии – таков был итог нескольких вдохновенных лет, закономерно приведший к блестящей защите в октябре 1983 года кандидатской диссертации «Поэзия “годзан бунгаку” (XIV – XV вв.) и её место в истории японской литературы» [6]. После защиты диссертации А.М. Кабанов был переведён на должность старшего научного сотрудника ЛО ИВАН и оставался в этой должности до конца жизни, нисколько не заботясь о дальнейшей своей «карьере».

Хотя диссертация осталась неопубликованной, А.М. Кабанову удалось напечатать в восьмидесятых годах две большие статьи о *годзан бунгаку*. Это статья о философии дзэнской поэзии на камбуне «Человек и природа в поэзии годзан бунгаку» [7] и статья «Формирование системы годзан и бюрократизация дзэн-буддизма» [8], посвящённая истории *годзан бунгаку* и путям развития дзэн-буддизма. Лишь в середине девяностых годов вышла более или менее серьёзная подборка кабановских переводов *годзан бунгаку* с ёмкой вступительной статьёй – «Поэзия Пяти Монастырей (*годзан бунгаку*)» [I]. Итогом же этого направления деятельности учёного стала книга «Годзан бунгаку. Поэзия дзэнских монастырей» [II], вышедшая в Санкт-Петербурге в издательстве «Гиперион» в 1999 г.

Следует сказать, что как непреходящий интерес к литературе, так и великолепная языковая подготовка А.М. Кабанова, закончившего, как уже говорилось, историческое отделение Востфака, привели его к решению научных задач, проходящих скорее по филологическому ведомству (история литературы, переводы – фактически расшифровка – средневековой поэзии). Наряду с религиозноведческими штудиями это подтверждает универсальную природу востоковедения, которое полнокровно может существовать и развиваться только так: исследуя историю и традиционные культуры Востока не через узкоспециальные призмы, а путём соединения разных подходов и наук.

Занимаясь поэзией дзэнских монахов, А.М. Кабанов вскоре стал признанным в стране специалистом по буддизму в целом. В восьмидесятые годы он регулярно участвовал в ежегодных московских конференциях с преимущественно буддологическими докладами: «Бюрократизация чань при династии Сун» [9], «Амидаистская практика нянь-фо в чань-буддизме» [10], «Взгляды Ци-суна (1007–1072) на буддизм и конфуцианство» [11], «Культ божества Винаяка в китайском буддизме» [12]. Хорошо известна специалистам его развёрнутая статья «Чаньский ритуал» [13]. В те же годы зародился и не угасал уже никогда его интерес к культу индийского бога Ганеши в Японии: первым результатом стала статья «The Kangi-ten (Ganapati) Cult in Mikkyō» [14], а задуманная книга о Кангитэн так и осталась незаконченной.

Несколько ярких публикаций в ведущем востоковедном журнале «Народы Азии и Африки» относятся к концу 80-х годов XX века. Речь идёт прежде всего о снабжённых введением и комментарием переводах с японского отрывков из дидактического трактата XIII в. «Записки об услышанном мной Сокровище сути Истинного Закона» («Сёбо гэндзо дзуймонки») дзэнского мыслителя Догэна,

основателя школы Сото [III], и трактата об искусстве чайной церемонии *Намбороку* [IV]. Кабановские переводы Догэна (названный трактат, а также трактат «Рассуждения о различении Пути» («Бэндова»)) выдержали с тех пор несколько изданий (см. [V–VII] и др.). Помимо важнейших трактатов Догэна А.М. Кабанов перевёл и прокомментировал наставления дзэнского поэта и учителя Мусо Сосэки «Беседы во сне» [VIII] и «Ночные беседы на Западной Горе» [IX], стихи Мусо Сосэки вошли в кабановские публикации переводов поэзии *годзан бунгаку*.

Обширные познания А.М. Кабанова в чань- и дзэн-буддизме позволили ему стать одним из главных авторов энциклопедического словаря «Буддизм» [X], где ему принадлежит 25 словарных статей, а также одним из авторов фундаментальной коллективной монографии «Буддизм в Японии» [15], для которой он написал обширные разделы «Буддизм в периоды Камакура и Муромати (XIII – XVI вв.)» и «Буддизм в эпоху Токугава», а также сделал комментированный перевод (с японского) трактата Китабатакэ Тикафуса «Записки о законном наследовании правления божественных императоров» («Дзинно сётоки»). К этому же направлению деятельности Кабанова примыкают сделанный им перевод (с английского) сочинения Генриха Дюмулена «История дзэн-буддизма. Индия и Китай» [XI] и многостраничное «Дополнение к библиографии» в монографии О.О. Розенберга «Труды по буддизму» [XII].

Все эти годы параллельно с буддологическими исследованиями и переводами классических дзэнских трактатов Александр Михайлович увлечённо занимался литературоведением, особенно его интересовала японская народная (он предпочитал говорить *простонародная*) литература периода Токугава. Здесь самым главным его достижением стал перевод и комментированное издание (с большим, составляющим треть объёма книги введением) пародийного сочинения Хираги Гэнная «Похождения весельчака Сидокэна (*Фурю Сидокэн-дэн*)» [XIII], которому предшествовал ряд статей о природе смеха в японской простонародной литературе и пародии эпохи Эдо. Желчное и ироничное, полное «низкого» народного юмора, полуэтнографическое сочинение Хираги Гэнная, ставшее благодаря А.М. Кабанову известным русскому читателю, открыло ему Японию и японцев совсем с иной, не-эзотерической стороны.

Александр Михайлович много работал с архивом великого японоведа Н.А. Невского, погибшего во времена сталинских репрессий, и приложил немало усилий к публикации некоторых, в оригинале написанных по-японски, работ Невского по синтоизму и этнографии островов Рюкю [XIV]. Вслед за Н.А. Невским А.М. Кабанов начал заниматься такой экзотической отраслью востоковедения, как айноведение (этнографией и фольклором айну), а также синтоизмом и различными вопросами японского религиозного синкретизма. Он опубликовал любопытные оригинальные статьи «Нагота в японской жизни и искусстве» [16], «Однодневное и одночасовое паломничества... в Киото» [17], «Самураи и японский религиозный синкретизм» [18], «Фударакү-токай: быстрое попадание в рай» [19].

Авторитет А.М. Кабанова как одного из самых блестящих российских японоведов и буддологов был столь высок, что ведущие востоковедные журналы Запада заказывали ему рецензии на книги по востоковедению. Александр Михайлович опубликовал в западных журналах несколько десятков блестящих

рецензий, содержащих глубокий анализ и аргументированную критику тех или иных текстов, включая монографии крупнейших западных специалистов и сборники статей. С конца восьмидесятых годов А.М. Кабанов начал наконец и сам выезжать за рубеж, получив возможность удовлетворить свою детскую тягу к путешествиям. Он был активным участником многочисленных научных конференций, как приглашенный специалист по японскому буддизму выступал с лекциями в университетах Великобритании и США.

Результаты научных исследований А.М. Кабанова были опубликованы в различных зарубежных журналах и сборниках. К лучшим западным публикациям относятся “Zen and Chinese Culture in Japan: Discrimination or Selection” [20], “Taneda Santoka: the Last Wandering Poet of Japan” [21], “Buddhism and Popular Religion in the Tokugawa Period” [22], “Japanese Antisexual Censorship from Taisho through Heisei Eras” [23], “Ikkyu and Koans” [24], “Aum Shinrikyo in Russia” [25] и др. Часто бывая в Европе и Америке, А.М. Кабанов устанавливал дружеские и профессиональные контакты с коллегами, ценившими его талант и душевную щедрость. Одним из таких друзей стал для него польский востоковед Альфред Маевич, с которым они сделали великолепную совместную работу – перевод и комментированное издание айнских материалов Б. Пилсудского [XV]. Александр Михайлович опубликовал на английском языке и найденные им ценнейшие материалы по айну из архивов Н.А. Невского [XVI].

Ему посчастливилось пожить и поработать (дважды по целому году и несколько раз длительными наездами) в Японии – стране, которая стала ему очень близка и к древней столице которой – Киото – он имел явную слабость (одна из его статей называется «Киото – любовь моя»). В Японии А.М. Кабанов чувствовал себя как дома, тонко понимая и принимая душой древнюю и современную японскую культуру, этику и эстетику, японский национальный характер и особенности быта. А одной из последних зарубежных поездок Александра Михайловича стала замечательная «экспедиция 2000 года» на буддологическую конференцию в Индию с докладом о тайных амидаистских культах в Японии эпохи Эдо: из Дели до Варанаси он добирался попутками больше суток, получив массу впечатлений об одной из самых сказочных стран своего детства и опоздав при этом к своему докладу...

Кстати говоря, А.М. Кабанов был великолепным рассказчиком, готовым делиться своими колоссальными знаниями и разнообразными впечатлениями с другими. Это делало его хорошим преподавателем. К сожалению, ему не удалось поработать на Восточном факультете СПбГУ, однако в 1990 г. он стал одним из соучредителей негосударственного Восточного института и возглавлял его японское отделение вплоть до 1999 года. Александр Михайлович с большим энтузиазмом окунулся в преподавательскую деятельность, читал различные курсы по истории, религиоведению, культурной антропологии, составлял оригинальные программы, возил студентов на экскурсии и штудировал с ними самые разные тексты на классическом и современном японском языке. Неудивительно, что ученики платили ему встречной любовью.

Заложенное в Александре Михайловиче культуртрегерское начало, соединившееся с колоссальной эрудицией и свободным владением многими языками, а также широкие научные интересы привели его к переводческой деятельности.

А.М. Кабанов переводил и научную, и художественную литературу. В конце восьмидесятых он перевёл с английского и прокомментировал популярную монографию К.П. Кирквуда «Ренессанс в Японии. Культурный обзор семнадцатого столетия» [XVII], затем упоминавшуюся монографию Г. Дюмулена, затем монографию японского этнографа Исида Эйитиро «Мать Момотаро» [XVIII] (перевод с японского и введение в соавторстве с Ю. Берёзкиным). Наиболее же известен его перевод с английского языка научной монографии Роберта ван Гулика «Сексуальная жизнь в Древнем Китае» [XIX], выдержавший затем несколько изданий. Среди многочисленных художественных переводов, выполненных А.М. Кабановым, выделяются переводы современной японской литературы (начиная с рассказов классика модернизма Акутагава Рюноскэ и кончая романами современных «возмутителей спокойствия» – Мураками Рю и Ёсимото Банана), а также переводы с английского – детективной серии голландского дипломата и китаиста Роберта ван Гулика о судье Ди, рассказов Анаис Нин, романов Ежи Косински и других современных писателей.

Таково в общих чертах творческое наследие этого самобытного и яркого учёного, опубликовавшего за двадцать пять лет активной научной работы более 160 авторских листов. Критики А.М. Кабанова, признавая его талант и знания, обычно сетуют на отсутствие у него крупных монографий, упрекают в распылении на мелкие проблемы и темы, на пристрастие к чтению и рецензированию чужих книг, на «трату времени» на переводы (некоторые из которых были для него, конечно, в первую очередь средством заработка). Однако многие упомянутые нами статьи представляют собой настоящие жемчужины, которые могут заиграть по-новому, если их собрать воедино, под одной обложкой. Больше всего приходится сожалеть о том, что в Санкт-Петербургском издательстве «Гиперион» до сих пор остаётся неизданной (за отсутствием средств) рукопись книги, которую Александр Михайлович считал своим *opus magnum* – главным творением: монография на тридцать листов об Иккю, величайшем из поэтов *годзан бунгаку*, с переводом его стихотворений. Издание этой книги (Иккю Содзюн. Собрание стихотворений «Безумного Облака» (*Кёунсю*)) – наш долг перед памятью выдающегося учёного, преждевременный уход которого вследствие тяжёлой, мучительной болезни создал в российском востоковедении с трудом восполнимую лакуну.

Summary

Z.A. Dzhandosova. The Poetry of Zen: In Commemoration of the 60th Anniversary of the Birth of Alexander Kabanoff.

This article is a tribute to a renowned Russian orientalist, Alexander Kabanoff (1952–2011), who left behind an impressive legacy in various spheres of research. We characterize the work of A. Kabanoff as a talented translator and teacher, a specialist in 18th century Japanese literature, Zen Buddhism, Shintoism, ethnography, and the folklore of the Ainu.

Keywords: oriental studies, Japanese studies, Buddhist studies, Zen Buddhism, Japanese literature, Shintoism, Ainu, Alexander Kabanoff.

Список упоминаемых в статье печатных работ А.М. Кабанова

Научные статьи и монографии

1. Первые гатхи о сатори в дзэнской поэзии в Японии // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока (ПП и ПИКНВ). XIV годич. науч. сессия ЛО ИВ АН СССР. – М.: Наука, 1979. – Ч. 2. – С. 180–184.
2. Три японских поэта-странника // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока: IX науч. конф. – М.: Наука, 1980. – Ч. 1. – С. 86–94.
3. Эйсай – родоначальник дзэн в Японии // ПП и ПИКНВ. XV годич. науч. сессия ЛО ИВ АН СССР. – М.: Наука, 1981. – Ч. 1 (1). – С. 93–98.
4. Дзэн и традиционная китайская культура в средневековой Японии // Общество и государство в Китае (ОГК): XIII науч. конф. – М.: Наука, 1982. – Ч. 1. – С. 71–78.
5. Религиозные и светские мотивы в поэзии «годзан бунгаку» // ПП и ПИКНВ. XVII годич. науч. сессия ЛО ИВ АН СССР. – М.: Наука, 1983. – Ч. 2. – С. 21–25.
6. Поэзия «годзан бунгаку» (XIV – XV вв.) и её место в истории японской литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1983. – 15 с.
7. Человек и природа в поэзии годзан бунгаку // Человек и мир в японской культуре. – М.: Наука, 1985. – С. 72–86.
8. Формирование системы годзан и бюрократизация дзэн-буддизма // Буддизм и государство на Дальнем Востоке. – М.: Наука, 1987. – С. 180–203.
9. Бюрократизация чань при династии Сун // ОГК. XIV науч. конф. – М.: Наука, 1983. – Ч. 1. – С. 171–177.
10. Амидаистская практика нянь-фо в чань-буддизме // ОГК. XVII науч. конф. – М.: Наука, 1986. – Ч. 1. – С. 156–161.
11. Взгляды Ци-суна (1007–1072) на буддизм и конфуцианство // ОГК. XVIII науч. конф. – М.: Наука, 1987. – Ч. 1. – С. 94–99.
12. Культ божества Винаяка в китайском буддизме // ОГК. XIX науч. конф. – М.: Наука, 1988. – Ч. 1. – С. 168–173.
13. Чаньский ритуал // Этика и ритуал в традиционном Китае. – М.: Наука, 1988. – С. 236–255.
14. The Kangi-ten (Ganapati) Cult in Mikkyō // Esoteric Buddhism in Japan / ed. by Ian Astley-Kristensen. – Copenhagen, 1994. – P. 90–113.
15. Буддизм в Японии / Отв. ред. Т.П. Григорьева; Рос. АН. Ин-т востоковедения. – М.: Наука; Вост. лит., 1993. – 701, [3] с. (соавт. А.Н. Игнатович, А.Н. Мещеряков, А.Г. Фесюн, Г.Е. Комаровский).
16. Нагота в японской жизни и искусстве // Япония. Путь кисти и меча. – 2002. – № 4. – С. 13–19.
17. Однодневное и одночасовое паломничества в храмах Сэннюдзи и Дзисю-дзиндзя в Киото // Труды VIII междунар. симпозиума Междунар. науч. общества синто «Синто и японская культура». – М.: МАКС-Пресс, 2003. – С. 184–191.
18. Самураи и японский религиозный синкретизм // Самураи. Аспекты японской культуры XVII – XX вв. – СПб.: Ком. по культуре Адм. Санкт-Петербурга; Гос. музей-заповедник «Ораниенбаум», 2003. – С. 5–10.
19. Фудараку-токай: быстрое попадание в рай // Японская мозаика: Сб. ст. пам. проф. В.Н. Горегляда. – СПб.: Гиперион, 2009. – С. 69–75.

20. Zen and Chinese Culture in Japan: Discrimination or Selection // Modulation in Tradition: Japan and Korea in a Changing World. Acta Universitatis Tamperensis. Ser. B. – 1993. – V. 43. – P. 49–64.
21. Taneda Santoka: the Last Wandering Poet of Japan // Traditional and Modern in Japanese Literature and Language. – Prague, 1993. – P. 38–44.
22. Buddhism and Popular Religion in the Tokugawa Period // Enku 1632–1695: Timeless Images from 17th Century Japan / Ed. by Jan van Alphen. – Antwerpen: Etnografisch Museum, 1999. – P. 43–57.
23. Japanese Antisexual Censorship from Taisho through Heisei Eras // Romanian J. Japanese Stud. – 1999. – V. 1. – P. 151–159.
24. Ikkyu and Koans // The Koan / Ed. by Steven Heine & Dale S. Wright. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 2000. – P. 213–232.
25. Aum Shinrikyo in Russia // Japanese Religions. – 2001. – V. 26, No. 2. – P. 149–170.

Переводы, комментарии, энциклопедические статьи

- I. *Кабанов А.М.* Поэзия Пяти Монастырей (годзан бунгаку) // Петерб. востоковедение. – СПб., 1994. – Вып. 6. – С. 114–158.
- II. Годзан бунгаку. Поэзия дзэнских монастырей / Вступ. ст., пер. с камбуна и комм. А.М. Кабанова. – СПб.: Гиперион, 1999. – 220 с.
- III. *Кабанов А.М.* Памятник японской дидактической литературы XIII в. / Введ. и пер. с яп. // Народы Азии и Африки (НАА). – 1987. – № 2. – С. 93–103.
- IV. *Кабанов А.М.* «Намбороку» – трактат по искусству чайной церемонии / Введ. и пер. с яп. // НАА. – 1988. – № 2. – С. 85–93.
- V. *Догэн.* Бэндова / Пер. с яп. и комм. А.М. Кабанова // Буддизм в переводах: Альманах. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993. – Вып. 2. – С. 192–216.
- VI. *Догэн.* Записки об услышанном мной сокровище сути истинного закона (Сёбо гэндзо дзуймонки) // Догэн. Избранные произведения. – М.: Серебряные нити, 2002. – С. 132–143.
- VII. *Догэн.* Рассуждения о различении пути // Догэн. Избранные произведения. – М.: Медков и бр.; Серебряные нити, 2002. – С. 42–62.
- VIII. *Мусо Сосэки.* Беседы во сне / Введ., пер. с яп., комм. А.М. Кабанова // Буддизм в переводах: Альманах. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992. – Вып. 1. – С. 131–150.
- IX. *Мусо Сосэки.* Ночные беседы на Западной Горе (Сэйдзан ява) / Пер. с камбуна и комм. А.М. Кабанова // Буддизм в Японии. – М.: Наука, 1994. – С. 627–645.
- X. Буддизм: Словарь. – М.: Республика, 1992. – 286 с.
- XI. *Дюмулен Г.* История дзэн-буддизма. Индия и Китай / Пер. с англ. – СПб.: Орис; Яна-Принт, 1994. – 335 с.
- XII. *Розенберг О.О.* Труды по буддизму. – М.: Наука, 1991. – 295 с.
- XIII. *Гэннай Х.* Похождения весельчака Сидокэна (Фурю Сидокэн-дэн). – СПб.: Петерб. востоковедение, 1998. – 189 с.
- XIV. *Кабанов А.М.* Неопубликованные материалы Н.А. Невского по этнографии островов Рюкю // Кунсткамера: Этнографические тетради. – 1994. – Вып. 4. – С. 263–266.
- XV. *Pilsudski B.* Materials for the Ainu Language and Folk-lore, vol. 2 / Tr. and ed. by A. Kabanoff, intro. by A. Majewicz. – Poznan, 1989. – 77 p.
- XVI. The Ainu Materials Collected by Nikolai Nevski // Lingua Poznaniensis. — 1989–1990. – V. 32–33. – P. 112–124.

-
- XVII. *Кирквуд К.П.* Ренессанс в Японии: Культурный обзор семнадцатого столетия. – М.: Наука, 1988. – 303 с.
- XVIII. *Эйтиро И.* Мать Момотаро. – СПб.: Петерб. востоковедение, 1998. – 215 с.
- XIX. *ван Гулик Р.* Сексуальная жизнь в Древнем Китае. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2000. – 400 с.

Поступила в редакцию
20.09.12

Джандосова Заринэ Алиевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры Центральной Азии и Кавказа, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: zarinejandosova@rambler.ru